

DOI 10.15393/j9.art.2016.3768

УДК 821.161.1.09"1917/1992"

Марина Владимировна Заваркина*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

mvnikulina@mail.ru

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ МИР АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА*

Аннотация. В статье рассматривается ранний период творчества А. Платонова, отличительной чертой которого является обилие научно-фантастических произведений. Мир фантастический и мир реальный тесно переплетаются в текстах писателя: А. Платонов наделяет своих героев автобиографическими чертами, «дарит» им идеи собственных изобретений. В статье делается вывод, что фантастику А. Платонова можно отнести не к чисто научной (НФ), а к социальной. Одной из главных тем социальной фантастики писателя является тема взаимоотношения человека и природы. Эта тема позволяет увидеть в его произведениях черты других жанров: утопии и антиутопии. Другой чертой ранних произведений А. Платонова является синтез научной фантастики и мифологической условности. В статье анализируется сюжет «испытания», мотив пути, который становится главным сюжетобразующим фактором и символизирует поиск главным героем истины, а также рассматриваются два утопических образа: Америки как технократического рая и образ города-сада. Синтез фантастики, утопии и мифа создает специфический фантастический мир А. Платонова.

Ключевые слова: А. Платонов, фантастика, фантастический мир, утопия, антиутопия, миф

Творчество А. Платонова 1918–1927 годов традиционно считают периодом становления писателя, когда формируются стиль, поэтика, основной корпус идей. Фантастические произведения занимают не очень объемную, но существенную часть раннего творчества А. Платонова. К ним относят рассказы «Маркун» (1921), «Невозможное» (1921), «Сатана мысли» (1922), «Приключения Баклажанова» (1922), «Потомки солнца» (1922), «Рассказ о многих интересных вещах» (1923), «Лунные изыскания (Рассказ о “кирпиче”» (1926), «Родоначальники нации или беспокойные происшествия» (1927). Переходным этапом в творчестве писателя стала повесть «Эфирный тракт» (1927), в работе над которой, по мнению

В. Васильева, «умирал утопический писатель и рождался реалистический художник» [4, 67]. Н. В. Корниенко считает, что повесть стала «важным этапом в поиске “индекса персонажа” <...> той веры-сомнения, под знаком которой оформляется в повести герой: ставший центральным для всего последующего творчества Платонова» [10, 54]. Конечно, фантастика как элемент поэтики художественных произведений Платонова продолжает играть важную роль и в более поздних его произведениях, например, в повести «Ювенильное море» (1931), но именно в текстах 1920-х годов сложился особый фантастический мир писателя.

В определении термина «фантастика» мнения исследователей схожи в одном: о фантастическом в произведении можно говорить тогда, «когда возникает несовпадение, расхождение точек зрения “изнутри” (глазами героя) и “извне” (глазами слушателя, читателя) на возможность или невозможность художественного мира» [11, 39]. По мнению В. Н. Захарова, «критерий фантастического — объективная действительность, которая позволяет определить принадлежность данного явления либо к реальному миру, либо к фантазии человека» [8, 49]. Ц. Тодоров называет это «колебаниями», которые испытывает читатель и которые становятся первейшим условием фантастического жанра [18, 30].

При дефиниции категории «фантастический мир» обратимся к работам Е. М. Неёлова. По его мнению, данная категория «позволяет рассматривать фантастику как вечное и в то же время современное явление художественного творчества», фантастический мир является «разновидностью» «мира художественного» [13, 30], «фантастический мир, с одной стороны, жанрово обусловлен <...> с другой <...> может носить индивидуальный авторский характер» [13, 31]. Фантастический мир А. Платонова 1920-х годов специфичен своей двойственностью: с одной стороны, в нем переплетаются фантастика и реальность, фантастика и быт¹, с другой — фантастика и утопия, фантастика и миф.

Прежде всего, хотелось бы отметить особые взаимоотношения фантастического и реального миров в творчестве писателя. А. Платонов перемежает фантастические изыскания своих героев с собственными научными поисками. Это позволило, например, В. Васильеву назвать писателя одним из

самых грамотных «научно и технически» [4, 59]. К. А. Баршт перечисляет целый ряд научных теорий и гипотез, о которых А. Платонов упоминает в своих произведениях: от квантовой теории М. Планка и открытия электрона Дж. Томсона до общей и специальной теории относительности А. Эйнштейна [2, 122]. Эти концепции и гипотезы, по мнению исследователя, формировали особенности художественного пространства и времени в произведениях писателя, «вливали на композицию эпизода или всего произведения в целом» [2, 122]. Прочная связь фантастики и реальности сохранилась и в более поздних произведениях Платонова. Так, в повести «Ювенильное море» (в которой фантастика сохранилась только в виде отдельных мотивов) главный герой (Вермо) ищет «ювенильную» воду. Исследователь Л. Геллер проводит параллель между Вермо и геологом Эдуардом Зюссом и делает вывод, что в магматическом происхождении «ювенильной» воды в повести нет ничего фантастического: «...наука не разоблачается и не выводится в комическом виде — не пародируется, а трактуется глубоко и серьезно» [5, 104]. Другой исследователь, М. Геллер, упоминает о патентах на изобретения, которые А. Платонов берет на свое имя в начале 1920-х годов и которые связаны с научными изысканиями героев его фантастической прозы [6, 24]. Еще одной чертой «проникновения» реального мира в фантастический является тот факт, что Платонов наделяет своих героев автобиографическими чертами, например: Маркун, герой одноименного рассказа А. Платонова, так же, как и сам автор, из многодетной семьи, а Вогулов не только герой рассказа «Сатана мысли», но и один из литературных псевдонимов писателя.

Как пишет Е. М. Неёлов, понятие «фантастический мир» охватывает все произведение, «отражает его целостность» [13, 33], т. е. охватывает все уровни художественного текста. В фантастике А. Платонова ключевыми категориями поэтики становятся: тип сюжетной ситуации, образ главного героя, определенные темы и мотивы. Основной сюжетной ситуацией фантастических произведений А. Платонова является «сюжет-испытания» (по М. Геллеру, «испытания будущего» [6, 63]). В центре сюжета находится образ героя-испытателя, нередко самоучки (Маркун, Вогулов, Баклажанов, Матиссен, Попов,

Крейцкопф, Кирпичников). Важную роль в поэтике произведений играет мотив пути, который становится главным сюжетообразующим фактором, а в метафорическом плане символизирует поиск главным героем истины и смысла жизни через научное открытие. Главными темами, связующими практически все фантастические произведения А. Платонова, становятся: любовь к дальнему и любовь к ближнему, ответственность испытателя за свое открытие, взаимоотношения человека и природы. Фантастику А. Платонова можно отнести не к чисто научной фантастике (НФ), а к фантастике социальной. По мнению О. А. Павловой, у последней есть свои определенные черты: «вспомогательная роль фантастической гипотезы <...>, дающей лишь внешний (фабульно-событийный) толчок развитию сюжета <...> исследование глобальных общечеловеческих проблем <...> (анализ последствий научно-технического прогресса, экологические и этические аспекты существования человеческой цивилизации)» [16, 322].

Почти в каждом научно-фантастическом произведении А. Платонова есть описание гениального научного открытия: вечный двигатель («Маркун»), переделка земного шара с помощью ультрацвета («Сагана мысли»), изобретение устройства для полета на Луну («Лунные изыскания (Рассказ о “кирпиче”»)), эфирный тракт (или теория искусственного выращивания электронов) («Эфирный тракт»), существование науки антропотехники, позволяющей создавать бессмертное человеческое тело с помощью электричества («Рассказ о многих интересных вещах»), розовое масло, дающее человеку возможность не стареть («Родоначальники нации или беспокойные происшествия», «Эфирный тракт»; позже этот образ снова появится в повести «Впрок»), наконец, идея передачи мысли на расстоянии («Эфирный тракт»). По мнению Е. М. Неёлова, в научно-фантастическом произведении «рассказ об изобретении или открытии очень важен» [12, 50], но при этом «воплощается “дух”, а не “буква” науки» [14, 40].

А. Платонова больше всего интересует «взаимосвязь между изобретателем и изобретением» [6, 64]. Парадокс, но все герои фантастики А. Платонова грезят о всеобщем счастье, будучи сами глубоко несчастными людьми. Так, герой рассказа «Лунные изыскания...» инженер Петер Крейцкопф

расстался с женой и мучительно это переживает, его активная деятельность направлена не только на создание «некоего транспортного орудия, способного перемещаться во всякой газовой среде»², но и для забвения собственного разбитого сердца. Герой «Сатаны мысли», инженер Вогулов, пережил смерть любимой девушки, и теперь «сила любви, энергия сердца хлынула в мозг» (204) и перевоплотилась в ненависть, с которой герой мечтает о переустройстве (а на самом деле — об уничтожении) земного шара. Многие ученые в произведениях Платонова, так и не найдя истины, убивают себя: Петер Крейцкопф («Лунные изыскания...»), Фаддей Кириллович Попов и инженер Матиссен («Эфирный тракт»). Последний герой, научившись убивать других силой собственной мысли, не выдержал чудовищности своего открытия.

Цель платоновских героев зачастую благородна: они мечтают открыть новые источники энергии, чтобы человек находил время для другого человека, поэтому тема электрификации — одна из ключевых в публицистике и художественных произведениях писателя на протяжении всего творческого пути. В рассказе «Невозможное» эта идея становится центральной: «Изобретение прибора, превращающего свет в рабочий ток, откроет эру света в экономике и технике и эру свободы в духе, ибо человек только тогда освобожден будет от труда — работы, от боя с материей и предастся творчеству и любви» (190). Надежды, которые связывал молодой Платонов с электрификацией, были, как мы видим, не столько технические, сколько метафизические: «...электрический свет и электрический двигатель не только дадут нам вечный день и хлеб, но дадут и новую человеческую товарищескую душу»³. Этот мотив будет настойчиво повторяться и в повестях А. Платонова 1930-х годов. Так, герои повестей «Хлеб и чтение» (<1931>) и «Ювенильное море» надеются, что электричество даст человеку не только хлеб (пищу) и чтение (возможность образования), но и свободу, что при коммунизме «механизмы вступят в труд и освободят людей для взаимного увлечения»⁴. Мотив «плена / свободы» в повести «Хлеб и чтение» находит разрешение в сцене переустройства тюремной башни под электростанцию, «где узниками» должны стать «лошадиные силы природы, а человек свободным»⁵. В финале повести один

из ее главных героев Душин выступает с докладом об электрификации и идет против позиции профессора Преображенского, который (вопреки семантике своей фамилии) не верит в возможное преобразование мира и человека с помощью электричества.

Однако нередко эта благородная идея оборачивается подменой любви к ближнему любовью к дальнему абстрактному человечеству. К этой мысли приходит уже герой самого первого научно-фантастического рассказа А. Платонова — Маркун («Маркун»). Горя мечтой о создании вечного двигателя, все больше и больше погружаясь в чертежи, герой не замечает, как отдаляется от своих близких и даже обижает их: «Отчего мы любим и жалеем далеких, умерших, спящих. Отчего живой и близкий нам — чужой», — задается вопросом герой. В финале он со стыдом признается себе, что не может двигаться дальше, потому что все это время «загораживал собою мир, любил себя» (146). Этот «тупик» А. Платонов метафорически назовет «гробом» мысли. Так, герой повести «Эфирный тракт», Михаил Кирпичников, родом из города Гробовска — название становится знаменательным и для судьбы самого ученого: он погибает, не успев завершить свои исследования. Метафору смерти («гроб») А. Платонов позже разовьет в романе «Счастливая Москва», где будет показано, как человек науки становится узником собственного сознания.

Одной из главных тем социальной фантастики А. Платонова является тема взаимоотношений человека и природы. Эта тема позволяет увидеть в фантастике писателя черты других жанров: утопии и антиутопии. Если в научной фантастике, по мнению Е. М. Неёлова, «персонажи <...> лишены, как и сказочные герои, личностного аспекта, и поэтому перед ними не стоит проблема выбора» [12, 80], то платоновские герои, наоборот, постоянно сталкиваются с необходимостью сделать выбор (как научный, так и этический), причина же этого «столкновения» лежит в том, что в его научно-фантастических произведениях фантастика «встречается» с утопией.

Утопию очень часто рассматривают как разновидность научной фантастики [3], [9]. Ю. И. Кагарлицкий в главе «Фантастика, утопия, антиутопия» говорит о возможном разном

пропорциональном соотношении в произведении фантастики и утопии: фантастика может находиться в утопии на равных или ее разрушать [9, 289]. В ранних научно-фантастических произведениях А. Платонова сталкиваются не только фантастика и утопия, но также утопия и антиутопия. Так, в рассказе «Потомки солнца» рассказчик делает парадоксальный вывод: «История человечества есть убийство им природы, и чем меньше природы среди людей, тем человек человечнее...» (226). В рассказе «Лунные изыскания...» Петер Крейцкопф, пройдя через испытание любовью, наукой и жизнью, наконец, создает летательный аппарат для доставки человека на Луну, но одно из последних сообщений, посланных им на землю перед самоубийством, было следующее: «Последний раз скажите, что люди очень ошибаются: мир не совпадает с их знанием» (122). «А чтоб мою науку проверить, нужно целый мир замучить», — признается инженер Матиссен, тоже убивший себя⁶. Скептическое отношение к достижениям цивилизации и научно-технического прогресса, как признавался сам Платонов, — одна из главных тем и повести «Ювенильное море»: «Незнание и непонимание природы, преувеличенное представление о месте человека в ней и о “покорении” природы ведет не только к практическим ошибкам, но и к философскому пессимизму»⁷. В статье «О первой социалистической трагедии» (1934), ставшей идейным ядром произведений писателя 1930-х годов, Платонов признавался, что боится такого состояния дел, когда «техника... решает все»⁸.

Утопическим образом, который одновременно несет и негативные функции (что также придает утопии Платонова черты антиутопии), является образ Америки как технократического рая («Рассказ о многих интересных вещах», «Эфирный тракт», «Ювенильное море»). Герои мечтают поехать или едут в Америку, чтобы научиться добывать электричество (Копчиков, Кирпичников, Вермо), но оказывается, наука губительна, когда служит не истине, а инстинкту потребления или каким-либо другим сугубо утилитарным целям. Америке как символу бездуховности (именно в Америке погибает главный герой-ученый Михаил Кирпичников из повести «Эфирный тракт») противопоставлен образ Японии как символ духа (где временно проживает его сын Егор Кирпичников).

Утопические образы так сильны в текстах раннего Платонова, что некоторые исследователи видят преобладание в них черт утопического жанра над фантастическим. Так, анализируя «Рассказ о многих интересных вещах», О. А. Павлова пишет: «Научная фантастика в структуре рассказа играет факультативную роль, служит лишь средством художественного выражения платоновской технико-мистической утопии» [17, 163]. Таким образом, поднимается вопрос о взаимодействии не только фантастики и утопии в произведениях Платонова, но и фантастики и мифа. О. А. Павлова анализирует, по сути, синтез научной фантастики и мифологической условности в рассказе писателя.

По мнению В. Н. Захарова, «истоки фантастики лежат в мифе, но сам миф еще не есть фантастика» [8, 49], более того, «в искусстве миф, мистика, наука и т. п. превращается зачастую в фантастику» [8, 54]. В научно-фантастических произведениях А. Платонова миф проявляется в особенности мышления героев, которое близко мифологическому сознанию. Так, одна из главных целей всех научных открытий героев платоновской прозы не только сделать людей счастливыми и свободными, но и дать свое название миру и, как следствие, подчинить мир себе. Маркун, герой одноименного рассказа, ищет «точку опоры» (142), чтобы двигаться дальше к своим открытиям, в рассказе «Потомки солнца» главной задачей социальной революции герой-рассказчик называет восстание на вселенную, ее реконструкцию (224), в повести «Эфирный тракт» сын Михаила Крипичникова, Егор, ищет «корень мира, почву вселенной, откуда она выросла»⁹. В повести «Ювенильное море» главный герой, Николай Вермо, подумывает о «собственной космогонии»¹⁰. В финале указано отчество героя — Эдвардович. О параллели, которую можно провести между героем Платонова и русским изобретателем в области аэродинамики, одним из основателей русского космизма, Константином Эдуардовичем Циолковском, писали еще первые рецензенты повести.

Герои Платонова не только намереваются дать свое название миру, но и «родить» новую нацию, стать «родоначальниками». Мечтает «о новой нации» Иван Копчиков, герой

«Рассказа о многих интересных вещах»: «Будет Суржа без голода, без болезней, без горестей, без драк» (251). Образ новой Суржи, по мнению М. Геллера, — первая утопия в творчестве писателя [6, 24]. Позже идея создания новой нации будет положена в основу сюжета повести «Джан» (1934—1935).

Наконец, герои мечтают создать некий идеальный топос, так появляется мифологически-утопический образ дома-сада из «Рассказа о многих интересных вещах». В целом в литературе начала XX века можно выделить два основных вида утопии: утопия машинизированного общества пролетарских писателей (А. Богданов, А. Гастев, В. Кириллов, И. Филипченко, ранний А. Платонов и др.) и крестьянская утопия (С. Есенин, Н. Клюев, П. Орешин, С. Клычков и др.). Две основные линии утопической литературы соответствуют полярным типам представлений о будущем общественном устройстве, которые можно обозначить как пространственные модели «утопии-города» и «утопии-сада»: «Если в городской утопии в центре внимания находятся общественно-государственный, технико-цивилизаторский аспекты жизни, то утопия-сад отводит это место непринужденной семейной жизни в кругу близких и исконной близости человека к природе» [7, 253]. В «Рассказе о многих интересных вещах» образ дома-сада (а шире — города-сада) складывается из двух частей (городской и деревенской), являющихся одинаково важными для А. Платонова: единый дом (внутри и снаружи которого находился сад) был построен не только для всех людей, но и для домашнего скота, который содержался в «великой чистоте и здоровье, как и люди» (260).

Фантастика, утопия и миф прекрасно «уживаются» в произведениях Платонова, но это соседство не умаляет в них роли фантастического. Сходство — в эскапистской функции как фантастики, так и утопии и мифа. Однако этот уход есть возвращение к «вечным (“детским”) основам жизни — то есть к идеалу» — «фантастическое изображение становится идеальным выражением авторской позиции» [15, 81].

Фантастический мир в произведениях А. Платонова 1920-х годов — свидетельство того, как усиленно искал молодой писатель ответы на волнующие его вопросы: в литературе,

науке, искусстве. Согласимся с К. А. Барштом, что «Платонов выработал оригинальную физико-онтологическую концепцию, в которой синтезировал все самое существенное, что он мог бы обнаружить в естествознании, философии и литературно-эстетической мысли» [1, 121]. Свое понимание природы фантастического А. Платонов дал в одном из писем к жене 1922 года: «Надо любить ту вселенную, которая может быть, а не ту, которая есть. Невозможное — невеста человечества, и к невозможному летят наши души... Невозможное — граница нашего мира с другим»¹¹.

Примечания

- * Исследование выполнено по гранту Министерства образования и науки России «Новые источниковедческие и текстологические исследования русской словесности XIX–XX вв.» (№ 34.1126).
- ¹ Е. Замятин в статье «Новая русская проза» (1923) писал: «Сама жизнь... перестала быть плоско-реальной <...> В этой новой проекции — сдвинутыми, фантастическими, незнакомо-знакомыми являются самые привычные формулы и вещи. Отсюда — так логична в сегодняшней литературе тяга <...> к сплаву реальности и фантастики» (Замятин Е. Избранные произведения. М., 1990. С. 430). О синтезе фантастики и быта как о необходимом качестве нового искусства говорил и руководитель группы «Перевал» А. К. Воронский (см.: Воронский А. К. Искусство видеть мир (О новом реализме) // Воронский А. К. Избранные статьи о литературе. М., 1982. С. 413).
- ² Платонов А. П. Сочинения. Том первый. 1918–1927. Книга первая: рассказы, стихотворения. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 102. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в круглых скобках.
- ³ Платонов А. П. Свет и социализм // Платонов А. П. Сочинения. Том первый. Книга вторая: статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 159.
- ⁴ Платонов А. П. Эфирный тракт: повести 1920-х — начала 1930-х годов. М.: Время, 2011. С. 395.
- ⁵ Платонов А. П. Технический роман. I. Хлеб и чтение // «Страна философов» Андрея Платонова. Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2000. С. 929.
- ⁶ Платонов А. П. Эфирный тракт. С. 63.
- ⁷ Андрей Платонов в документах ОГПУ — НКВД — НКГБ // «Страна философов» Андрея Платонова. Вып. 4. С. 852.
- ⁸ Платонов А. П. Фабрика литературы: литературная критика, публицистика. М.: Время, 2011. С. 641.
- ⁹ Платонов А. П. Эфирный тракт. С. 93.
- ¹⁰ Там же. С. 351.
- ¹¹ Платонов А. П. Живя главной жизнью. М., 1989. С. 383–384.

Список литературы

1. Баршт К. А. Космологический диегесис Платонова: теория эфира, времени и пространства в произведениях писателя и современной ему естественно-научной мысли // Wiener Slawistischer Almanach. — 2009. — № 63. — С. 121–149.
2. Баршт К. А. «Эфирный ветер» и общая теория относительности А. Эйнштейна в произведениях А. Платонова: имитация и интерпретация // Вестник ТГПУ. — Вып. 7 (109). — 2011. — С. 122–128.
3. Бритиков А. Эволюция научной фантастики // О прогрессе в литературе. — Л.: Наука, 1977. — С. 209–237.
4. Васильев В. Андрей Платонов. Очерк жизни и творчества. — М.: Современник, 1982. — 230 с.
5. Геллер Л. Наука и миф, гротеск и поэзия: четыре стихии «Ювенильного моря» // Поэтика Андрея Платонова. — Сб. 1: На пути к «Ювенильному морю». — Белград, 2013. — С. 103–133.
6. Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. — М.: МИК, 2000. — 432 с.
7. Гюнтер Х. Жанровые проблемы утопии и «Чевенгур» А. Платонова // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. — М.: Прогресс, 1991. — С. 252–276.
8. Захаров В. Н. Условность и фантастика (взаимоотношение категорий) // Жанр и композиция литературного произведения. — Петрозаводск, 1986. — С. 47–54.
9. Кагарлицкий Ю. И. Что такое фантастика? — М.: Худож. лит., 1974. — 352 с.
10. Корниенко Н. В. История текста и биография А. П. Платонова (1926–1946) // Здесь и теперь. — 1993. — № 1. — 320 с.
11. Неёлов Е. М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. — Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. — 200 с.
12. Неёлов Е. М. Сказка, фантастика, современность. — Петрозаводск: Карелия, 1987. — 126 с.
13. Неёлов Е. М. Фантастический мир как категория исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1990. — Вып. 1: Исследования и материалы. — С. 31–40.
14. Неёлов Е. М., Струкова А. Е. Русская фантастика: нерешенные проблемы. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. — 71 с.
15. Неёлов Е. М. Сказка-ложь? // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: ПетрГУ, 2016. — Вып. 4: Поэтика фантастического. — С. 72–85.
16. Павлова О. А. Метаморфозы литературной утопии: теоретический аспект. — Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2004. — 472 с.
17. Павлова О. А. Синтез мифа и научной фантастики в «Рассказе о многих интересных вещах» А. Платонова // Изменяющаяся Россия — изменяющаяся литература: художественный опыт XX — начала XXI веков: сб. науч. тр. — Саратов: Наука, 2008. — Вып. II. — С. 160–164.
18. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. — М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. — 144 с.

Marina V. Zavarkina*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

mvnikulina@mail.ru

THE FANTASTIC WORLD OF ANDREI PLATONOV

Abstract. The article studies the early period of A. Platonov's creative work, whose peculiarity is the abundance of science fiction. Fantastic and real worlds are closely interrelated in the writer's texts: A. Platonov attributes autobiographical features to his characters and grants them the ideas of his own inventions. In the article it is concluded that A. Platonov's fantastika cannot be defined as purely scientific (NF), but rather as social one. One of the main themes of the social fantastika of the writer is the relationship between Man and nature. This theme allows revealing the traits of other genres in his works: utopia and dystopia. Another feature of the early works of Andrei Platonov is a synthesis of science fiction and mythological conventionalism. The article examines the "ordeal" theme, the motive of the road, which becomes the main plot-forming factor and symbolizes a search for truth by the protagonist. The article also considers two utopian images in A. Platonov's texts: the image of America as a technocratic Paradise and the image of the City-Garden. The synthesis of science fiction, utopia and myth creates the specific fantastic world of Andrei Platonov.

Keywords: A. Platonov, science fiction, fantastic world, utopia, dystopia, myth

References

1. Barsht K. A. Kosmologicheskii diegesis Platonova: teoriya efira, vremeni i prostranstva v proizvedeniyakh pisatelya i sovremennoy emu estestvenno-nauchnoy mysli [Cosmological Diegesis of Platonov: The Theory of Ether, Time and Space in the Works of the Writer and According to the Ideas of Natural Science of His Time]. *Wiener Slawistischer Almanach*, 2009, no. 63, pp. 121–149.
2. Barsht K. A. «Efirnyy veter» i obshchaya teoriya otnositel'nosti A. Enshteyna v proizvedeniyakh A. Platonova: imitatsiya i interpretatsiya [The "Ether Wind" and A. Einstein's Theory of General Relativity in the Works of A. Platonov: Imitation and Interpretation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2011, vol. 7 (109), pp. 122–128.
3. Britikov A. Evolyutsiya nauchnoy fantastiki [Evolution of Science Fiction]. *O progresse v literature* [About the Progress in Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 209–237.
4. Vasilev V. *Andrey Platonov. Ocherk zhizni i tvorchestva* [Andrei Platonov. Essay on Life and Creative Work]. Moscow, Sovremennik Publ., 1982. 230 p.
5. Geller L. Nauka i mif, grotesk i poeziya: chetyre stikhii «Yuvenil'nogo morya» [Science and Myth, the Grotesque and Poetry: Four Elements of "The Juvenile Sea"]. *Poetika Andreyana Platonova. Sbornik 1: Na puti k «Yuvenil'nomu moryu»* [The Poetics of Andrei Platonov. Part 1: On the Way to "The Juvenile Sea"]. Belgrade, 2013, pp. 103–133.

6. Geller M. *Andrey Platonov v poiskakh schast'ya* [*Andrey Platonov in Search of Happiness*]. Moscow, MIK Publ., 2000. 432 p.
7. Gyunter Kh. Zhanrovye problemy utopii i «Chevengur» A. Platonova [The Problems of Genre of Utopia and “Chevengur” by A. Platonov]. *Utopiya i utopicheskoe myshlenie: antologiya zarubezhnoy literatury* [*Utopia and Utopian Thinking: Anthology of Foreign Literature*]. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 252–276.
8. Zakharov V. N. Uslovnost' i fantastika (vzaimootnoshenie kategoriy) [Conventionalism and The Fantastika (The Interrelation of the Categories)]. *Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya* [*Genre and Composition of a Literary Work*]. Petrozavodsk, 1986, pp. 47–54.
9. Kagarlitskiy Yu. I. *Chto takoe fantastika?* [What is The Fantastika?]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1974. 352 p.
10. Kornienko N. V. Istoriya teksta i biografiya A. P. Platonova (1926–1946) [History of the Text and the Biography of A. P. Platonov (1926–1946)]. *Zdes' i teper'*, 1993, no. 1. 320 p.
11. Neyolov E. M. *Volshebno-skazochnye korni nauchnoy fantastiki* [*The Magical Fairy Tale Roots of Science Fiction*]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1986. 200 p.
12. Neyolov E. M. *Skazka, fantastika, sovremennost'* [*Fairy Tale, Science Fiction, Modernity*]. Petrozavodsk, Karelia Publ., 1987. 126 p.
13. Neyolov E. M. Fantasticheskiy mir kak kategoriya istoricheskoy poetiki (Stat'ya vtoraya: Problema granits) [The Fantastic World as a Category of the Historical Poetics]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1990, vol. 1: *Issledovaniya i materialy* [*Researchers and Materials*], pp. 31–40.
14. Neyolov E. M., Strukova A. E. *Russkaya fantastika: nereshennyye problemy* [*The Russian Fantastika: Unresolved Problems*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013. 71 p.
15. Neyolov E. M. Skazka — lozh'? [Is Tale a Lie?]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2016, vol. 4: *Poetika fantasticheskogo* [*The Poetics of The Fantastic*], pp. 72–85.
16. Pavlova O. A. *Metamorfozy literaturnoy utopii: teoreticheskiy aspekt* [*The Metamorphosis of Literary Utopia: A Theoretical Aspect*]. Volgograd, Volgograd Scientific Publ., 2004. 472 p.
17. Pavlova O. A. Sintez mifa i nauchnoy fantastiki v «Rasskaze o mnogikh interesnykh veshchakh» A. Platonova [The Synthesis of Myth and Science Fiction in “The Story of Many Interesting Things” by A. Platonov]. *Izmenyayushchayasya Rossiya — izmenyayushchayasya literatura: khudozhestvennyy opyt XX — nachala XXI vekov* [*A Changing Russia — Changing Literature: Artistic Experience of the 20th and the Early 21st Centuries*]. Saratov, Nauka Publ., 2008, vol. 2, pp. 160–164.
18. Todorov Ts. *Vvedenie v fantasticheskuyu literaturu* [*The Introduction to Fantastic Literature*]. Moscow, Dom intellektual'noy knigi Publ., 1999. 144 p.

Дата поступления в редакцию: 20.02.2016